

ПИСЬМА М.И. ЦВЕТАЕВОЙ К В.Н. БУНИНОЙ*

(ПУБЛИКАЦИЯ И КОММЕНТАРИИ Л.А. МНУХИНА)

Переписка Марины Ивановны Цветаевой с Верой Николаевной Буниной (урожд. Муромцевой; 1881–1961), женой И.А. Бунина, началась во Франции весной 1928 года и продолжалась без малого десять лет. “Она мне написала, я отозвалась — и пошло, и продолжается, и никогда не кончится — ибо тут нечему кончаться: все — вечное ...” — писала позднее Цветаева о Вере Николаевне (М а р и н а Ц в е т а е в а. Письма к Анне Тесковой. Прага: Academia, 1969. С.131). Благодатной почвой для возникновения переписки и перерастания ее в настоящую дружбу явились общие воспоминания о доме известного историка Дмитрия Ивановича Иловайского (1832–1930)**. На его дочери первым браком был женат отец Цветаевой. Внучка Иловайского, Валерия Ивановна Цветаева (1883–1966) и Вера Николаевна были подружками. (В письмах упоминается и единокровный брат М.И. Цветаевой Андрей (1890–1933). Теме прошлого, поискам и обнаружению общих “корней” уделено значительное место в письмах Цветаевой. Эти страницы являются ценным дополнением к воспоминаниям Марины Цветаевой “Дом у Старого Пимена”. Предваряет их посвящение: “Вере Муромцевой, одних со мной корней”. Читатель найдет также в публикуемых письмах немало важных и интересных сведений о литературной жизни русского зарубежья.

171

Двадцать девять писем, составивших настоящую подборку, впервые были опубликованы в кн.: М а р и н а Ц в е т а е в а. Неизданные письма. Париж, YMCA-PRESS, 1972 (письма 1–23, 25–29) и журнале “Вестник РХД”, Париж, 1973 (письмо 24). Все письма печатаются по текстам их первой публикации с уточнениями, сделанными по копиям с оригиналов. Пользуясь случаем, выражаю сердечную благодарность проф. С.Карлинскому за предоставление данных копий.

1

Meudon (S. et O.) 2,
Avenue Jeanne d'Arc
5-го мая 1928 г.

Дорогая Вера Николаевна, Я все еще под ударом Вашего письма (1). Дом в Трехпрудном — общая колыбель — глазам не поверила! Первое, что увидела: малиновый бархат, на нем альбом, в альбоме — личико. Голые руки, открытые плечи. Первое, что услышала: “Вера Муромцева” (Раечка Оболенская, Настя Нарышкина, Лидия Эверс, никогда не виденные, — лица легенды!) Я росла за границей, Вы бывали в доме без меня, я Вас в нем не помню. Вы в нем жили как звук.

“Вера Муромцева” — мое раннее детство (Валерия меня старше на 12 лет), “Вера Муромцева” приезды Валерии из института — прерываю! — раз Вы меня видели. Я была в гостях у Валерии (4 года) в приемный день, Валерия меня таскала по всему институту, — все

* По техническим причинам в статье не проставлены диакритические знаки.

** Цветаева неизменно писала: Дмитрий.

меня целовали и смеялись, что я такая серьезная — помню перегородку, над которой меня подняли. За ней был лазарет, а в лазарете — скарлатина. Поэтому до сего дня “скарлатина” для меня ощущение себя в воздухе, на многих вытянутых руках. (Меня подняли всем классом).

Валерия нас с Асей (сестрой) (2) любила только в детстве, когда мы выросли — возненавидела нас за сходство с матерью, особенно меня. Впервые после моей свадьбы (12 г.) мы увиделись с ней в 1921 г. — случайно — в кафе, где я читала стихи.

Есть у нас еще родство, о нем в другой раз, — семейная легенда, которую Вы может быть знаете.

— Но — как Вы могли, когда я была у Вас, меня не окликнуть? Ведь “Трехпрудный” — пароль, я бы Вас сразу полюбила, поверх всех евразийств и монархизмов, и старых и новых поэзий, — всей этой вздорной внешней розни. — Уже люблю. —

Целую Вас.

МЦ.

Ели Вам любопытна дальнейшая судьба “Леры” (3) — расскажу Вам, что знаю.

“Вера Муромцева”. “Жена Бунина”. Понимаете, что это два разных человека, друг с другом незнакомых. (Говорю о своем восприятии, до Вашего письма).

— Пишу “Вере Муромцевой”, *ДОМОЙ*.

1. М.Цветаева отвечает на письмо В.Н.Буниной, из которого узнала, что та — урожденная Муромцева.

2. Цветаева Анастасия Ивановна (р.1894)

3. *Лёра* — домашнее прозвище Валерии Цветаевой.

172

2

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

23-го мая 1928 г.

Дорогая Вера Николаевна, Ваше письмо совершенно изумительно. Вы мне пишете о Наде Иловайской (1), любовью к которой — нет, просто КОТОРОЙ — я болела — дайте вспомнить! — год, полтора. Это было мое наваждение. Началось это с ее смерти — я тогда была в Германии, в закрытом учебном заведении, мне было 10 лет. “Умерла Надя Иловайская” (письмо отца). Последнюю Надю я помнила в Нерви — розу на гробах! — (все вокруг умирали, она *цвела*), — Надю на Карнавале (2), Надю на *bataille de fleurs*. Я ей нравилась, она всегда меня защищала от матери, которой я тогда — *et pour cause!* — не нравилась. Но дружны мы не были — не из-за разницы возраста — это вздор! — а из-за моей робости перед ее красотой, с которой я тогда в стихах не могла справиться (пишу с 6-ти лет, в Нерви мне было 8 л<ет>) — проще: дружны мы не были, потому что я ее любила. И вот — неполных 2 года спустя — смерть. Тут я дала себе волю — полную — два года напролет пролюбила, *про-видела* во сне — и сны помню! — и как тогда не умерла (не сорвалась вслед) — не знаю. Об этом — о, странность! — я Вам говорю ПЕРВОЙ. Помню голос и похолодание спинного хребта, которым — с которым я спрашивала отца на каком-нибудь *Ausflug* в Шварцвальде (лето 1904 г.) — “А ... Надя Иловайская ... когда умирала ... очень мучилась?” Эту любовь я протаила в себе до — да до нынешнего часа! и пронесла ее сквозь весь 1905 г. Она затмила мне смерть матери (июль 1906 г.) — от того же).

“Надя Иловайская” для меня — вся я 10 лет: БЕЗДНА. С тех пор я — что? научилась писать и разучилась любить. (И первое не совсем, и второе не совсем, — даст Бог на том свете — первому разучусь совсем, второму научусь заново!)

— В первый раз “Трехпрудный”, во второй раз “Надя Иловайская” — Вы шагаете в меня гигантскими шагами — шагом — души.

* * *

А поэтессу, о которой Вы говорите (3), я знаю, и имею даже одно письмо от нее (1925 г., тогда только что приехала в Париж) — по письму и по встрече с ней (одной) не полюбила, может быть из Ваших рук — полюблю, но это будете Вы. Предпочитаю из Ваших — Вас же.

* Битва цветов (фр.)

** И не без основания (фр.)

*** Экскурсия (нем.)

Как и Вас (говорю о книге (4), которая до сих пор не вышла) прошу любить или не любить — но без ПОСРЕДНИКА. Почему Вы думаете, что поэтесса лучше поймет? И может быть мне *Ваше* непонимание (ОРГАНИЧЕСКОЕ) дороже. И ведь можно — совсем без стихов! Стихи, может быть, — *pis aller** — а?

Еще одно: не бойтесь моего *жара* к Вам, переносите его со спокойствием природы — стихов — музыки, знающих род этого жара и его истоки. Вы на меня действуете МАГИЧЕСКИ, “Трехпрудный”, “Н<адя> И<ловайская>” — слова заклятья. При чем тут Вы? И при чем тут я?

Этих времен никто не знает, не помнит, Вы мне возвращаете меня тех лет — незапамятных, допотопных, дальше чем ассири<яне?> и вавилоняне. Я там никогда не бываю, живу свой день, в холоде, в заботе, в жесткости — и вдруг: “Sesam, thue dich auf!”** (Моя “контр-революционность” распространяется и на немецкое правописание: *Thor, That* и т.д. Ненавижу ущерб).

Как же горе, раскрывшейся (проследите сказку с точки зрения горы, а не героя. Совпадение желаний — мало! — необходимость) — как же горе, раскрывшейся, не благодарить, не обнять, не замкнуться на нем? Подумайте об *одиночестве* Сезама!

* * *

О другом. Скоро мой вечер, хочу заработать на летний отъезд. Куда ехать на Средиземное море? Пансион не нужен (нас четверо), нужно самое скромное, распробованное — но — жилище — *minimum* 2 комн<аты> с кухней, моя максимальная платежеспособность — 350 фр<анков> в месяц. (Хочу на 3 месяца). В город не хочу ни за что, хочу дыры. Может быть Вы знаете? Что-нибудь около 1000 фр<анков> за три месяца, немножко больше. *Дико* соскучилась по югу, на котором не была — да уже 11 лет! Мой последний юг — октябрь 1917 г., Крым.

Мур (сын) *всю* зиму напролет прокашлял (5), Сережа (муж) еле таскает ноги (болезнь печени, а главное — истощение) (6), я вся в нарывах (малокровие), все это святая правда. Была бы Вам очень благодарна, дорогая Вера Николаевна, за совет. Еще: кто бы мне из Ваших знакомых здесь в Париже помог с билетами (25 фр<анков>), на эти билеты вся надежда, остальные по 5 фр<анков> (больше нельзя из-за налога). Вечер 17-го июня, меньше месяца.

А летом Вы бы ко мне приехали в гости, ведь Grasse не так далеко от — предположим, *Нуегес* (все говорят об *Нуегес* и его окружении, но ни одной достоверности). Познакомились бы со всеми нами. Аля (14 лет) выше меня ростом, огромная (7), но девочка, будет красивая. Мур уже сейчас красив, но по своему. Громадный породистый — не то амур, не то кот. А когда серьезен — ангел. Все: “он у Вас с какого-то старинного мастера”... один даже определил месторождение: “с Севера Италии, из Ломбардии”.

В следующем письме пришлю его карточку, сегодняшнее бы перетяжелило.

Да! никаких 300 фр<анков> от журналистов, естественно (отнесите последнее не к своей доброй воле, а к моему злосчастью!) не получила. А как были — есть — будут нужны!

Целую Вас нежно. Зовите меня Мариной.

МЦ.

173

1. У Д.И.Иловайского от второго брака было трое детей: Надя, Сережа и Оля. В 1905 г. Надя, в возрасте 23 лет, и Сережа, 20-ти лет, умерли от туберкулеза.

2. Традиционный народный праздник “Битва цветов” в итальянском городке Нерви описала в своих воспоминаниях В.И.Цветаева (см. в кн.: *М а р и н а Ц в е т а е в а. Сочинения в двух томах. Т.2. М.: Художественная литература, 1984.С.453*).

3. По-видимому, речь идет о Галине Кузнецовой (1902–1976), которая с 1927 г. жила у Буниных в Грассе.

4. Имеется в виду книга стихов Цветаевой “После России” — последний прижизненный сборник поэта. В письме Цветаева неточна. Книга вышла в конце апреля 1928 г. Вероятно, у Цветаевой к этому времени не было лишних экземпляров. Вскоре, однако, книга была послана В.Н.Буниной.

5. Мур — домашнее прозвище Георгия Эфрона (1925–1944).

6. Эфрон Сергей Яковлевич (1893–1941).

7. Ариадна Эфрон, дочь Цветаевой (1912–1975).

* Крайнее средство (фр.)

** “Сезам, отворись!” (нем.)

3

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
23-го апреля 1930 г.

Христос Воскресе, дорогая Вера Николаевна! И одновременно — Воистину, потому что милое письмо Ваше не могла воспринять иначе как: Христос Воскресе! —

Сердечное спасибо, Вы очень добры и все это очень растравительно. Трагическая часть вечера — в сочувствии, а не в равнодушии: последнее в бытовом порядке вещей, и во мне *ничего* не вызывает. Такая же присылка как Ваша — ВСЕ.

Ну вот.
Целую Вас.

МЦ.

...Будет скоро тот мир погублен!
Погляди на него тайком
— Пока тополь еще не срублен
И не продан еще наш дом...(1)

(16-ти лет, в 1910 г. (2) — не знала, что сожгут!)

Да! Если устали (а устали наверное! — на мой вечер не приходите, тем более, что я буду читать последней и немного. Когда-нибудь (— да) увидимся по-человечески — посидим, поговорим, а это ведь лучше “вечеров”?

174

1. Из стихотворения М.Цветаевой “Ты, чьи сны еще непробудны...”
2. В 1910 г. Цветаевой было 18 лет.

4

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
6-го августа 1933 г.

Дорогая Вера Николаевна,
— Если Вы меня еще помните. —

Я сейчас погружена в наш трехпрудный дом (мир) и обращаюсь к Вам, как к единственной свидетельнице (жутко звучит, а?), — как к единственной *здесь* — свидетельнице (1). Но до вопросов хочу сказать Вам, что вещь, которую Вы м.б. на днях прочтете, мысленно посвящена Вам, письменно не решилась, п<отому> ч<то> *не знаю*, так ли Вы все это видите, как я — глазами моего раннего детства. У меня с собой ни одной записи: одна память.

Ряд вопросов:

1) Вашего отца или его брата Сергея любила Варвара Димитриевна Иловайская? (Хотелось бы, чтобы Вашего). “В<арвара> Д<имитриевна> любила Муромцева, но отец не позволил” — такова твердая легенда нашего трехпрудного дома. Почему не позволил? Либерализм Муромцевых и консерватизм Иловайского?

Если Вы *что-нибудь* об этой любви знаете — дайте мне *все*, что знаете. Если не хотите гласности, могу не называть имен, как не назвала Вашего. Тогда дайте приметы того из братьев, которого она любила (он ведь ее, наверное, тоже?). Приблизительный возраст обоих, его внешность, место и длительность знакомства, встречались ли потом, как встречались... (*Не бойтесь меня: мною движет — любовь*).

2) Что Вы знаете о дружбе Иловайских с Муромцевыми? Откуда повелась (и как могла — при такой разнице — *всего?!*) Знаю только, что Цветаевы — в их иловайской части — с Муромцевыми чем-то связаны. Чем? Помню, что мой отец постоянно встречался с ними (вами?) у Анны Александровны Адлер, крестной моего брата Андрея. Там я, по-моему, девочкой встречала Вашу двоюродную сестру (блондинку?), всю какую-то острую.

3) Все, что знаете об Иловайских. Во-первых — год *его* рождения. (По-моему — 1825 г., п<отому> ч<то>, со слов брата Андрея, умер в 1919 г., 94 лет). На ком был женат первым браком Д<имитрий> И<ванович>; т.е. кто мать Варвары Димитриевны. Имена и возраст ее умерших братьев (двое! Помню детские лица в иловайском альбоме, а м.б. — одно лицо в двух видах, к<отор>ое я принимала за два). От чего умерли?

4) Знаете ли Вы что-нибудь о прабабке румынке “Мамаке”? Ее еще несколько дней застала в доме *наша* мать. Умерла она в *моей* комнате. Чья она прабабка? М.б. мать первой жены Д<имитрия> И<вановича>? Но почему румынка? Это — *твердо* знаю.

5) Помните ли Вы В<арвару> Д<имитриевну> [?] Если Вы сверстница Валерии — это вполне возможно. *Какая была?* (хотя бы самое Ваше детское впечатление). *Все*, что о ней и о доме Иловайских помните, вплоть до пустяков.

Я у Иловайских в доме была только раз, с отцом, уже после смерти моей матери, но их дух жил — в нашем.

6) Видели ли Вы когда-нибудь мою мать? (Марию Александровну Мейн). Какая она была? Если даже не нравилась (я ведь тоже не нравлюсь!) — почему, чем? Были ли Вы когда-нибудь в нашем доме при *моей* матери (мы уехали осенью 1902 г., а умерла она летом 1906 г.) Если да — каков был дом при ней? *Дух* дома. М.б. и нашего с Асей деда, Александра Даниловича Мейн, помните? Если да — каков был? (Он умер, когда мне было 7 лет, я его отлично помню, как, впрочем, все и всех — с двух лет, но ведь это воспоминание *изнизу!*). Если видели хоть раз — каков остался в памяти? М.б. и нас с Асей, маленькими, помните? (Валерия меня очень любила, а мать — больше — Асю). Я ведь помню “Вера Муромцева”, и в альбоме Вас помню. Вы с Валерией вместе учились в институте? Или я путаю?

7) О моем отце — все, что можете и помните. Вы ведь были его любимой слушательницей? Что (в точности) Вы у него слушали? Каков он был с учащейся молодежью? Каков — дома, со всеми вами? Я ведь всего этого не застала, знаю его уже после *двух* потерь, п<отому> ч<то> большой кусок детства росла *без* него.

8) Возвращаюсь к Иловайским. *Все*, что знаете о смерти Нади и Сережи. Я их отлично помню, и в Трехпрудном (“живые картины”) и у нас в Тарусе (Сережа рыл в горе лестницу и я, семи лет, немножко была в него влюблена) — и в Nervi. Моя мать их *очень* любила (и любила, и любовалась!) и всегда выручала и покрывала (*Надю*: Сережа был очень тихий, и всегда при матери). Помню один Надин роман — с тоже молодым, красивым и больным — я тогда носила письма и ни разу не попала! И “bataille de fleurs” помню, когда в Надю бросали цветами, а в А<лександр> А<лександровну> (2) какой-то дрянью в бумажках (*не* конфетти, а чем-то веским, — песком, кажется!). После Nervi — в Спасское? А умерли — в 1904 г. или в 1905 г.? Кто раньше? (Кажется, Сережа?). Знали ли, что умирают? Отец рассказывал, что Надя была необычайно — красива перед смертью — и после. Отношение Д<имитрия> И<вановича>. Отношение А<лександры> А<лександровны> (С<ережа> — любимец был?).

9) Судьбу Оли. За кого вышла? (знала, но забыла). Жива ли еще? Есть ли дети? Счастливый ли оказался брак?

10) Жива ли А<лександра> А<лександровна>, а если нет, *когда* умерла? У кого из родителей был в молодости туберкулез? (Иловайская “овсянка”). В 1918 г. или в 1919 г. умер Иловайский? *Все* даты, которые помните.

* * *

Когда будете отвечать, дорогая В<ера> Н<иколаевна>, положите мое письмо перед собой: *упомнить* мои вопросы невозможно, я и то списала их себе в тетрадь. Помните, что *каждый* вопрос мне важнее всех остальных, и ответьте, по возможности, на все. Можете совершенно сокращенно, в виде конспекта, пробелы заполню любовью, мне важны факты, я хочу воскресить весь тот мир — чтобы все они не даром жили — и чтобы я не даром жила!

Знаю, что это — целая работа (говорю о Вашем ответе), целый спуск в шахту или на дно морское — и еще глубже — но ведь Вы этому миру причастны, и Вы его любили... Взываю как к единственной свидетельнице! Получив мое письмо, отзовитесь сразу открыткой, *а* письма буду *ждать*. Его нельзя писать сразу. Но, когда начнете, увидите, что совсем не так невозможно его написать, как казалось, пока не начинали...

Теперь — слушайте:

(Открытка с видом Музея Александра III, сверху снятого, во всем окружении зеленых дворов и домов. Прекрасная) (3).

Дорогая Марина! Пишу Тебе, чтобы сообщить печальную вест: 8-го апреля в 11 ч. 50 мин. вечера умер (от маминой болезни) брат Андрей почти 43 лет. Был в сознании, умер недолго мучаясь, легче мамы. Жена его * и я три года слали его к врачу, он же не шел, а когда пошел — было поздно. Питание имел до конца исключительное, жена делала *все*, что могла. Лежал он 2 месяца 3 недели. Я говорила с ним за три дня, сидела у него долго, наедине, днем. Вдруг сказал: — А болезнь не умеют описывать... (писатели). — И смерть не умеют. Я не стала убеждать, что смерти не будет — ложь ведь. Я сказала, почему я думаю, что не умеют, о своем отсутствии страха перед смертью, а потом стала говорить о кумысе, о лете, о санатории. Он то думал, что будет жить, то нет. Девочке 2 года 2 мес<яца>. Большая, очень милая. Когда уходила, целуя его видела как он нежно, светло, по-новому смотрит, глаза широкие — и полуулыбка.

* Женился Андрей лет девять назад, на польке, с двухлетней девочкой, которой сейчас 11 лет. Собственной его дочке только два. (Примеч. М.Цветаевой).

А 8-го днем ему стало хуже и он сказал жене: — Женечка, я умираю. А я как раз вдруг позвонила из-за города, с работы. — “Ему хуже”. Я поехала. И он уже был неузнаваем, полусидел, задыхался, часто и мелко дышал, полузакрытые глаза. Увидев меня: — Зачем все пришли? Ничего такого особенного со мной нет. — Но когда я отошла к столу — тихонько позвал. Я подошла. Он стал правой рукой делать лоящие, гладящие движения — ко мне. Я гладила и держала его руку. Жалею, что не поцеловала ее, но не хотелось жеста, ему (весь — сдержанность). После лекарства стал засыпать. (За лекарством ходила я в аптеку, когда он: “Дайте лекарства”, а их не признавал, обычно). В мое отсутствие пришла Валерия (не видела последние 3 месяца). Он ей сказал: — Ведь я еще могу жить, мог бы — у меня еще целое легкое. Удушье? Пройдет? Но от него можно задохнуться ночью —. — Ну, что ты! (Валерия). — Проснешься.

Мы ушли, когда он стал дремать. Уходя, я поцеловала его, спросила, не хочет ли он поесть — ответ тот же, что мамин — нет, головой. Передала привет от сына*, ушла. Придя позвонила о горячих бутылках и узнала, что скончался. Поехала туда, помогала одевать, причесать, и всю ночь была над ним, и жена. Утром прилегла на час тут же. Похоронили в папиной могиле (папа считается мировым ученым I категории А). Папин гроб цел. Начинается весна на кладбище. Он рядом с мамой — она так его любила. Его девочка (Инна) целую неделю все: — А где папа, мама? Где папа? Нет папы — папа ушел? — Он в день смерти простился с женой и обеими девочками: дочкой и падчерицей (11 л<ет>), которую очень любил. Тебя вспоминал за несколько дней.

(Все письмо невероятно мелким подчерком, ибо уместилось на открытке. Последнее: Тебя вспоминал разобрала только сейчас, переписывая, даже не разобрала, потому что *разобрать* — невозможно, а сразу прочла).

* * *

176

Теперь Вы может быть поймете, дорогая Вера Николаевна, почему мне *нужно* воскресить весь тот мир — с его истоков.

До свидания, буду ждать с чувством похожим на тоску.

Марина Цветаева.

Умоляю этого письма (ни Асиного ни моего) не показывать никому. Не надо. — Только Вам. —

<Приписка на обороте>:

Письмо написано давно, только сейчас узнала Ваш адрес от А.Ф.Даманской (4), которую видала вчера и которая шлет Вам сердечный привет.

МЦ.

12-го авг<уста> 1933 г.

1. М.Цветаева к этому времени начала писать воспоминания “Дом у Старого Пимена”. Общая для нее и В.Н.Буниной тема из их прошлого нашла отражение в их последующей интенсивной переписке.

2. Коврайская Александра Александровна (1852–1929) — вторая жена Д.И.Иловайского.

3. М.Цветаева цитирует письмо своей сестры Анастасии (написано на открытке).

4. Даманская Августа Филипповна (1885–1959) — русская писательница и переводчица, сотрудница газеты “Последние Новости” (Париж).

5

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

19-го авг<уста> 1933 г.

Дорогая Вера Николаевна,

Самое сердечное и горячее (сердечное и есть горячее! Детская песенка, под которую я росла:

* У Аси, вышедшей замуж 16-ти л<ет>, сын Андрей, 20-ти лет, инженер. Работает на Урале. Хороший сын и юноша. (Примеч. М.Цветаевой).

“Kein Feuer keine Kohle
Kann brennen so heiss ...”^{*}

— итак, самое *сердечное* спасибо за *такой* отклик.

Первое, что я почувствовала, прочтя Ваше письмо: СОЮЗ. Именно этим *словом*. Второе: что что бы ни было *между* нами, *вокруг* нас — это всегда на поверхности, всегда слой — льда, под которым живая вода, зола — под которой живой огонь. Это не “поэзия”, а самый точный отчет. Третье: что *бывшее* сильнее сущего, а наиболее из бывшего *бывшее*: *детство* сильнее всего. Корни. Тот “ковш душевной глубины” (“О детство! Ковш душевной глубины” (1) — Б.Пастернак), который беру и возьму эпиграфом ко всему тому старо-пименовскому — тарусскому — трехпрудному, что еще изнутри корней выведу на свет.

Долг. Редкий случай *радостного* долга. Долг перед домом (люном). Знаю, что эти же чувства движут и Вами.

Слушайте. Ведь все это кончилось и кончилось навсегда. Домов тех — нет. Деревьев (наши трехпрудные тополя, особенно один, гигант, собственноручно посаженный отцом в день рождения первого и единственного сына) — деревьев — нет. *Нас* тех — нет. Все сгорело до тла, затонуло до дна. Что есть — есть внутри: Вас, меня, Аси, еще нескольких. Не смейтесь, но мы ведь, *правда* — последние могикане. И презрительным коммунистическим “ПЕРЕЖИТКОМ” я *горжусь*. Я счастлива, что я пережиток, ибо все это — переживет и меня (и их!).

Поймите меня в моей одинокой позиции (одни меня считают “большевичкой”, другие “монархисткой”, третьи — и тем и другим, и все — мимо) — мир идет вперед и *должен* идти: я же *не хочу, не ПРАВИТЬСЯ*, я в праве не быть собственным современником, ибо, если Гумилев:

— Я *вежлив* с жизнью современною... (2)

— то я с ней *невежлива*, не пускаю ее дальше порога, просто с лестницы спускаю. (NB! О лестницах. Обожаю лестницу: идею и вещь, обожаю постепенность превозможения — но самодвижущуюся “современную” презираю, издеваюсь над ней, бью ее и логикой и ногою, когда прохожу. А в автомобиле меня *укачивает*, честное слово. Вся моя физика не современна: в подъемнике не спущусь за деньги, а подымусь только если не будет простой лестницы — и уж до зарезу нужно. На все седьмые этажи хожу пешком и даже “бежком”. Больше, чем “не хочу” — НЕ МОГУ). А если у меня “свободная речь” — на Руси речь всегда была свободной, особенно у народа, а если у меня “поэтическое своеволие” — на то я и поэт. Все, что во мне “нового” — было всегда, будет всегда. — Это все очень простые вещи, но они и здесь и там *одинаково* не понимаются. — Домой, в Трехпрудный (страна, где понималось — все). Жажду Вашего ответного листа на мой опросный. “России и Славянства” еще не получила (3), жду и сражена Вашим великодушием — давать другому свое как материал — сама бы так поступила, но так пишущие не поступают. Очевидно, мы с Вами “непишущие”.

Глубоко огорчена смертью Вашего отца: Вашим горем и еще одним уходом. (Мы с Вами должны очень, очень торопиться! дело — срочное). Так у меня здесь совсем недавно умер мой польский дядя Бернацкий, которого я в первый раз и последний видела на своем парижском вечере, а он все о *нашей* с ним Польше знал. К счастью, еще жива его сестра, и она кое-что знает — и есть портреты. (О встрече с *собой, живой* — на портрете моей польской прабабки Гр<афини> Ледуховской — когда-нибудь расскажу. Сходство — до жути!).

Словом, я с головой погружена в весь тот мир. Помните (чудесный) роман Рабиндраната <Тагора> “Дом и Мир”? У меня *Дом* — Мир!

Дорогая Вера Николаевна, пишите и Вы, давайте в две — в четыре руки — как когда-то играли! (М.б. и сейчас играют, но я в отлучке от рояля вот уже 11 лет, даже видом не вижу).

— Спасибо за память об Андрее, за то, что так *живо* вспомнили — и напомнили. Я ведь его подростком не знала, 1902–1906 г. мы с Асей жили за границей. И вдруг из Ваших слов — увидела именно в дверях передней — и это так естественно: всегда ведь либо в гимназию, либо из гимназии ... Вы спрашиваете, кто муж Аси? Ася вышла замуж 16-ти л<ет> за Бориса Трухачева, сына воронежского помещика 18-ти л<ет>. Расстались через два года, даже меньше, а в 1918 г. он погиб в Добровольческой Армии. Второй ее муж и сын от второго мужа оба умерли в 1917 г., стало быть она с двадцати лет одна, со старшим сыном Андрюшей, ныне инженером, а ей еще порядочно до сорока (до — СРОКА!).

А про Валерию Вы знаете? Она после долгой и очень смутной жизни (мы все трудные) — душевно-смутной! — наконец 30-ти лет вышла замуж (м.б. теперь и обвенчалась) за огромного детину-медведя, вроде богатыря, невероятно-заросшего: дремучего! по фамилии Шевлягин, кажется из крестьян. С ним она была уже в 1912 г. — с ним и до сих пор. У нее было много детей, все умирали малолетними. Не знаю, выжил ли хоть один. У нас с нею были странные отношения: она не выносила моего сходства с матерью (главное, голоса и интонаций). Но мы, вообще, все — волки. Человек она необычайно трудный, прежде всего — для себя. М.б. *теперь* мы бы с нею и сговорились. Она меня *очень* любила в детстве. Не переписываемся никогда. М.б. — теперь напишу, тогда передам от Вас привет.

* “Ни пламя, ни уголь не могут жечь так горячо...” (нем.).

А жутко — влюбленный Иловайский! (то, о чем Вы пишете). Вроде влюбленного памятника. Сколько жутки в том мире!

* * *

До свидания. Жду. И письма и встречи — когда-нибудь. Вы зимою будете в Париже? Тогда — мне — целый вечер, а если можно и два. Без свидетелей. Да? Обнимаю.

МЦ.

Рада, что Вам понравился Волошин (4). У меня много такого. Ваш отзыв из всех отзывов — для меня самый радостный. Сердечный привет от мужа, он тоже Вас помнит — тогда.

1. Начальная строка стихотворения Б.Пастернака "Клеветникам".
2. Начальная строка стихотворения без названия Н.Гумилева.
3. В парижской газете "Россия и Славянство" были опубликованы воспоминания В.Н.Буниной "У Старого Пимена" (1931, 14 февраля).
4. Воспоминания М.Цветаевой о М.Волошине "Живое о живом". Опубликованы в "Современных Записках" в 1933 г. (N 52, 53).

6

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
24-го августа 1933 г.

178

Дорогая Вера! Пишу Вам под непосредственным ударом Ваших писаний, не видя ни пера, ни бумаги, видя — *то*. Ваша вещь (1) — совсем готовая, явленная, из нее нечего "делать", она уже есть — дело. И никогда не решусь смотреть на нее, как на "материал", либо то, что я пишу — тоже материал. И то и другое — записи, живое, ЖИВЬЕ, т.е. по мне тысячу раз ценнее художественного произведения, где все переиначено, пригнано, неузнаваемо, искачено. (Поймите меня правильно: я сейчас говорю об "использовании" (гнусное слово — и дело!) живого, Вашего Иловайского напр<имер> — для романа, где он будет героем: с другим именем — и своей внешностью, с домом не у Старого Пимена (2), а у Флора и Лавра (3), и т.д. Так делали Гонкуры, *дневник* которых я люблю, как свой, вернее чувствую — *своим* (т.е. ЖИВЫМ!), а романы которых, сплошь построенные на *видоизмененной* правде, забываю тут же после прочтения и даже до прочтения — шучу, конечно! — не забываю, а хуже: на каждом шагу изобличаю авторов в краже — у себя же, т.е. у живой жизни и у живого опыта. Преобразать (поэт) — одно, "использовывать" — другое. — Какая длинная скобка!).

...Какова *цель* (Ваших писаний и моих — о людях)? ВОСКРЕСИТЬ. Увидеть самой и дать увидеть другим. Я вижу дом у Старого Пимена, в котором, кстати, была только раз, в одной комнате, в одном из ее углов, самом темном, из которого созерцала стопы Кремля (4) до половины окна, глядевшего в сад, в котором я бы так хотела быть... (Комната — внизу, м.б. Надина? Освещение, от гущины листьев — зеленое, подводное: свет Китежа-града...).

Не *знай* бы я Иловайского, я бы его — у Вас — узнала. (А как чудно: *рог!* Явно — Роландов, раз не охотников. Об этом роге, сейчас вспоминаю, слышала от Андрея (5). Словом, я совершенно пленена и заморожена и совсем, бескорыстно, счастлива Вашими писаниями. И хорошо, что они пришли (1½ часа!) после отправки моих. Пусть каждый — *свое* и *посвоему*, а в общем — сумма цифр, т.е. правда. У Вас, напр<имер>, Иловайский, читая, носит две пары очков, стало-быть достоверно — слабое зрение, у меня он никогда не знает, кто Ася, кто я, и не по слабости зрения (о которой я не знала, ибо в очках его не видала никогда), а потому-что ему вообще нет дела до *неисторических* лиц. ("И какое ему дело, сколько лет стоящей перед ним Марине, раз она не Мнишек, а самому восемьдесят с лишком ... зим" ...). Я, конечно, многое, ВСЕ, по природе своей, иносказую, но думаю — и это жизнь. *Фактов* я не трогаю никогда, я их только — толкую. Так я писала все свои большие вещи.

Милая Вера, Вы мне в эту пору самый родной человек из всех, и это вполне естественно: мы с вами на дне *того же* Китежа! Кто же захочет жить на дне чужого Китежа? (NB! Только я, с наслаждением, на дне любого, на любом дне, самом проваленном, — лишь бы не "жизнь", или то, что они сейчас так зовут... Так я весь 1921 г. жила на дне волконского Китежа, переписав ему ВОТ ТАК, ОТ РУКИ, больше тысячи страниц его воспоминаний (т.е. моя переписка дала 1000 печатн<ых> страниц, а м.б. 1200, стало быть, от руки вдвое. "Лавры", "Странствия", "Родина" — все три его тома) (6).

Мои живут другим, во времени и с временем. Никто не хочет сна — наяву (да еще чужого сна!). С<ережа> сейчас этот мир действительно отталкивает, ибо его еще любит, от него еще

страдает, дочь (скоро 20 лет) слушает почтительно и художественно-отзывчиво, но — это не *ее* жизнь, не *ее* век, и конечно (такой *страстный* отрыв от жизни) — не *ее* душевный строй, она очень “гармонична” т.е. ничего не предпочитает, все совмещает: и утреннюю газету, и мой отчаянный прыжок в сон, как-то все равнозначуще — не я, не мое. Сын (8 л<ет> весь живет не текущим днем, а завтрашним, набегающим, — планами, обещаниями, будущими радостями — т.е. я в обратном направлении — и меня слушает... даже с превосходством. (“Бедная мама, какая Вы странная: Вы как будто ОЧЕНЬ старая!”). Остальные восхищаются “художественностью”, до которой мне нет никакого дела, которая есть только средство очевидно не достигающее цели, раз говорят не о *что*, а о *как*. Кроме того, — события, войны, Гитлеры, Эрио, Бальбо, Росси и как их еще зовут — вот что людей хватает по-настоящему заживо: ГАЗЕТА, которая от скуки валит замертво.

Вы не знаете, до какой степени (NB! разве это имеет степени?) я одинока. Естественное и благословенное состояние, но не на-людях, в тройном кольце бытия.

Веяние этой одинокости идет и от Вас, но у Вас, по крайней мере надеюсь, есть фактический покой, т.е. никто Вас не дергает, не отрывает, не опровергает, Вы — и тетрадь. У меня же — между тетрадью и мною ...

* * *

Очень хороша Ваша вещь о “дяде Сереже” (7). Он дан *живой*. И на всем, от всего — дуновение *неназванной* Англии. Ваши обе вещи я, положив в отдельный маленький портфель, вчера с собой возила, просто не желая расставаться, с собой в Ste-Genevieve-des Bois, в Русский Дом (8), к своей польской женской родне: трем старушкам: двум двоюродным сестрам моей матери (60 л<ет>) и их матери (83 г<ода>). Двух из них я видела в первый раз. Была встречена возгласом 83-летней: “Наконец-то мы с вами познакомились!” Узнала об отце прадеда: Александре Бернацком, жившем 118 лет (род. в 1696 г., умер в 1814 г.), застав четыре года XVII в., весь XVIII в., и 14 лет XIX в., т.е. всего Наполеона! Прадед — Лука Бернацкий — жил 94 года. Зато все женщины (все Марии, я — первая Марина) умирали молодые: прабабка гр<афиня> Ледуховская (я — *ее* двойник), породив семеро детей, умерла до 30-ти лет, моя бабушка — Мария Лукинична Бернацкая — 22 лет, моя мать, Мария Александровна Цветаева — 34 л<ет>. Многое и другое узнала, напр<имер>, что брат моей прабабки был кардиналом и даже один из двух кандидатов в папы. В Риме его гробница, та старушка (мне рассказывавшая) видела.

А про деда Мейна узнала, что он не только не был еврей (как сейчас, желая меня “дискредитировать”, пустили слух в эмиграции), а самый настоящий русский немец, к тому же редактор московской газеты — кажется “Голос”.

Приняли меня мои польские бабушки с самым настоящим сердечным жаром, самая старая подарила мне фотографию трех сестер, с грустными лицами, в пышных платьях, из которых самая красивая и самая печальная — мать моей матери, умершая 22 лет (Мария Лукинична Бернацкая).

Узнала, что семья (с самого того 118-летнего Александра) была страшно-бедная, что “паньч” (прадед Лука), идя учиться в соседнее село к дьячку, снимал сапоги и надевал их только у входа в деревню, а умер “при всех орденах” и с пенсией, “по орденам”, в 6.000 руб<лей>.

И еще многое.

Водили меня мои бабушки по чудному парку, показывали груши в колпаках, спаржу “на семена” (похожа на иву!), 85-летнего военначальника Московского Округа Мразовского (целый день бродит и *ничего* не помнит) и — вдалеке — островок с крестами, “место нашего будущего успокоения”. Древний муж одной из бабушек, отстав и тем старушек обеспокоив, принес мне на ладони ежевики.

Все они моим приездом были счастливы, очевидно почуяв во мне свою *бернацкую*, а не мейневскую (“немцеву”) кровь.

Кстати, в полной невинности, говорят “жиды”, а когда я *мягко* сказала, что в моем муже есть еврейская кровь — та старая бабушка: “А жиды — разные бывают”. Тут и я не стала спорить.

“Русский Дом” (страстно хочу о нем написать, но — *нельзя*) старый, даже древний замок, в чудном парке, дальше луга, поля ... И такое огромное небо, которого я не видела уже три года (три лета никуда не уезжала). Русское небо и даже — курское. На горизонте — ряд серебристых тополей...

* * *

Так я Вашего дедушку Иловайского и Вашего дядю Сережу возила в гости к моему Александру Бернацкому 118-ти лет...

— Вот.—

Обнимаю

МЦ.

Между прочим, Ваш Иловайский тоже встает *рано* (от руки: НЕ)

— *Va, ce n'est pas toujours la legende qui ment!*

Un reve est moins trompeur parfois qu'un document...*

Ваши рукописи сохраняю свято, но дайте им еще погостить! У них отдельный дом (замшевый).

P.S. Боюсь, что Олин "еврей" уже печатается...(9) Дай Бог, чтобы не прочла!

Герб Бернацких — мальтийская звезда с урезанным клином (— счастья!) Я *всегда*, не зная, мальтийскую звезду *до тоски* любила.

А Вы когда-нибудь привыкнете к моему почерку? Некоторые его не разбирают — совсем.

Милая Вера, а интересна Вам будет моя *французская* проза? Есть "Neuf lettres avec une dixieme retenue et une onzieme rescue". Прислать? (10)

1. М.Цветаева, наконец, получила воспоминания В.Н.Буниной о семье Иловайских (см. предыдущее письмо) и сразу же на них откликается.

2. Церковь Преподобного Пимена в районе М.Димитровки (ныне ул. Чехова). Разрушена в 1932 г.

3. Церковь Флора и Лавра была расположена на Мясницкой ул. Разрушена в 1933г.

4. "Кремль" — газетно-журнальное издание, выходившее в Москве в 1897—1916 гг. Его издателем и редактором был Д.И.Иловайский.

5. В доме Д.И.Иловайского над одной из дверей висел охотничий рог, которым хозяин сзывал гостей на трапезу. *Роландов рог* — Роланд (ум. 778 г.) — рыцарь Карла Великого, по преданию, погибая в неравной схватке с врагами, затрубил в рог; Карл его услышал и отомстил врагам. В 1921 г. Цветаевой было написано стихотворение "Роландов рог".

6. Речь идет о трилогии воспоминаний Сергея Михайловича Волконского (1860—1937), вышедшей в Берлине в 1923 г. С.М.Волконский — внук декабриста, бывший директор Императорских театров в России. С 1922 г. в эмиграции. Театральный и художественный критик "Последних Новостей". Дружба Цветаевой с Волконским, начавшаяся в Москве, долгие годы продолжалась и за границей.

7. Воспоминания В.Н.Буниной о ее дяде, Сергее Андреевиче Муромцеве, председателе I Государственной Думы, были напечатаны в "Последних Новостях".

8. Дом для престарелых под Парижем.

9. У Цветаевой в "Доме у старого Пимена" есть такие строки: "... дочь, Оля, для Иловайского — хуже, чем умерла: бежала к человеку еврейского происхождения в Сибирь, где с ним и обвенчалась" (М а р и н а Ц в е т а е в а. Сочинения в двух томах. Т.2. М.: Художественная литература, 1984. С.38). Д.И.Иловайский отличался воинствующими антисемитскими взглядами.

10. Французская проза Цветаевой "Девять писем с десятым невозвращенным и одиннадцатым полученным" была опубликована под названием "Флорентийские ночи" в переводе Р.Родиной в "Новом мире" в 1985 г. (N 8).

7

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

26-го августа 1933 г.

Дорогая Вера,

Большая просьба: у кого и где бы можно было узнать *точную дату* открытия Музея Александра III — во вторник, так мне сказали в редакции, появится мой "Музей Александра

* Полно, не всегда легенда лжет!

Иногда мечта менее обманчива, чем документ... (фр.).

** "Девять писем с десятым невозвращенным и одиннадцатым полученным" (фр.).

III" (1), *семейная хроника его возникновения до открытия* — и теперь мне нужно писать конец. Я, как дочь, не в праве не знать, а я НЕ ЗНАЮ, только помню чудную погоду, лето и слово (и чувство) МАЙ: майские торжества, (а м.б. ассоциации с романовскими или, что несравненно хуже — с "первомайскими"??). Знаю еще, что до Музея, по-моему за-день, открылся памятник Александру III — я присутствовала.

Были ли Вы на открытии Музея и, если да, что помните (я больше всего помню взгляд Царя, — к своему ужасу перезабыла все статуи, бедный папа!)? А если нет — не знаете ли Вы кого-нибудь здесь из постарше, кто был и к кому бы я могла обратиться? Я уже думала о с<ен>-женевьевском "Русском Доме", но, кажется, те старики совсем уже все забыли, а те, что не забыли — злостные, и ничего не захотят рассказывать, — просто выгонят.

Я все помню эмоционально, и почти ничего не помню достоверного: ни числа, ни часа, ни залы, в к<отор>ой был молебен (С<ережа> говорит — в большой зале, а я помню — в греческом дворике, и на этом у меня построен весь разговор отца с Царем, вернее Царя — с отцом, разговор, который помню слово в слово). Словом, помню как во сне. А есть же, наверное, помнящие наяву! ГДЕ их ВЗЯТЬ?!

(Это жизнь мне мстит — за мои глаза, ничего не видящие, ничего не хотящие видеть, видящие — свое).

Напишу ныне в Тургеневскую Библиотеку, м.б. есть какая-нибудь книжка или хотя бы статья — о Музее, или о московских торжествах. Вырубова пишет "была чудная погода, все московские колокола звонили" (2), — это и я знаю, и НЕ ХОЧУ так писать. Мне, чтобы написать хотя бы очень мало, нужен огромный материал, *весь* о данной (какой угодно!) вещи, сознание — всезнания, а там можно — хоть десять строк! Мне стыдно.

* * *

Помню отлично все — дома: отца в старом халате, его смущение нашему подарку (*с датой* — где она?!), помню его, после открытия, у главного входа, в золотом мундире, спокойного — как капитан, благополучно приведший корабль в гавань, все душевное помню, фактического — ничего, какой ужас — ни одной статуи! М.б. Вы, милая Вера, помните хотя бы две, три... (Знаю, что у лестницы стоял Давид, ну, а потом? Неужели так и писать "белые статуи", "боги и богини", без ни одного имени? Или ВРАТЬ — как Георгий Иванов?! (3)

(Простите за безумный эгоизм письма, я уже так поверила в наше союзничество, что пишу как себе, не думая о том, что у Вас *своя жизнь, свои заботы* и т.д.).

Самое горячее спасибо за яйцо — шесть утра — еврея. Да! Узнала, что Иловайский родился в 1832 г. и ОЧЕНЬ была огорчена, ибо Андрей в 1918 г., когда деда арестовали, меня уверял, что ему 93 года.

Дорогая Вера, если будете писать: *когда* умер Д<имитрий> И<ванович>? Мне *помнится* — в 1919 г., но м.б. (тайная надежда) — позже, т.е. до 90 л<ет> все-таки — дожил? Оля наверное знает. И КОГДА была убита (какой ужас!) А<лександра> А<лександровна>? В каком году? (4)

Какой страшный конец!

ДОМ ТОЧНО ТОЛЬКО ЭТОГО И ЖДАЛ.

* * *

Не бойтесь, ни Надю ни Олю не дам и не давала *затворницами*. Есть хуже затвора, по себе знаю, когда училась в "либеральных" интернатах: "Можешь дойти до писчебумажного магазина "Надежда", но не дальше". Я эти полу-, четверть-свободы — ненавидела! Дозволенные удовольствия, даже — соизволенные. "Поднадзорное танцевание"...

* * *

Насчет Д<имитрия> И<вановича> — возвращаюсь к Вашему письму — Вы правы: *насквозь* — ограничен. А в ней А<лександре> А<лександровне> — жила подавленная, *задавленная* молодость, все неизжитое, войной пошедшее на жизнь дочерей. (*Подсознательно*: "Я не жила — и вы не живите!") Заедала их век, а самой казалось, что *она* заедают *ее* (несбывшийся). Все это в глубоких недрах женского бытия (НЕБЫТИЯ).

Существо не одинолично, но глубоко-трагическое. (Трагедия всех женских КОРНЕЙ).

* * *

Итак, *гесаритолонс**:

1) Что можете — о Музее (дату, статуи);

2) *Даты* / *Годы* смерти Д<имитрия> И<вановича> и А<лександры> А<лександровны>.

3) Как он умирал — если знаете.

* резюме (фр.).

* * *

Милая Вера, отпишу — и тогда буду Вам писать по-человечески. Есть что. Но сейчас беда и из-за внешнего: 1-го Октября мы должны переехать в Булонь, где гимназия сына, а просто не с чего начать. Вот я и тщусь.

Обнимаю Вас. Вашего Иловайского вчера читала вслух, люди были глубоко взволнованы.

МЦ.

P.S. Сейчас выяснила, что Музей был открыт не в 1913 г., как я думала, а в 1912 г., совместно с торжествами памяти 1812 г. Видите — могу ошибиться на год. Отец еще больше году жил, и его травили в печати за "казармы" и слишком тонкие колонки. Он умирая о них говорил.

Бесконечное спасибо Вам за помощь.

1. Очерк Цветаевой появился в парижском журнале "Встречи" (1934, N 2) под названием "Открытие музея". Музей Александра III — ныне Государственный музей изобразительных искусств им. Пушкина.

2. Вырубова Анна Александровна (1884 — после 1929) — приближенная к императорской семье, автор воспоминаний "Страницы из моей жизни".

3. Это суждение Цветаевой относится к мемуарам поэта Иванова Георгия Владимировича (1894—1958), в частности, к его воспоминаниям об Осипе Мандельштаме ("Последние Новости". 1930, 22 февраля). Извращенный мемуаристом портрет Мандельштама явился поводом для написания Цветаевой очерка "История одного посвящения".

4. А.А.Коврайская была убита в 1929 г. в своей квартире грабителями. (См. воспоминания А.И.Цветаевой — "Звезда". 1979. N 4.С.188).

8

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
28-го августа 1933 г.

Дорогая Вера,

Сообщаю Вам с огорчением и без юмора, что моего Дедушку Иловайского опять выгнали — на этот раз из "Сегодня", тех "дальних стран" (1), которые я, боясь сглазу — и не Вашего, а своего, и не сглазу, а слова: сказу — не называла. Но, как видите, не помогло, и Дедушка опять вернулся — в сопровождении очень резкого, почти-что дерзкого письма, подписанного Мильердом (?).

Вывод: мой Дедушка не простой, а на внука,

2) никогда не надо поступать так, как никогда не поступал. Вера! Я печатаюсь с 17 лет и неделю назад в первый раз сама предложила сотрудничество, — и вот: ..."Так как мы завалены злободневным материалом, мы должны отказаться от предлагаемого Вами".

Подпись.

— Знаете мое первое движение? Открытку:

— БЫЛА БЫ ЧЕСТЬ ПРЕДЛОЖЕНА.

Подпись.

Второе:

СЕГОДНЯ, не имеющее ВЧЕРА, не имеет ЗАВТРА.

Третье — ничего, Schwamm* и даже Schlamm druber**, третье — коварный замысел наградить кроткого (если бы Вы знали, как сопротивлялся Волошину!) Руднева (2) очередным "Живое о живом" — не очень-то живом (а, правда, Димитрий Иванович — немножко "La Maison des hommes vivants"*** — если читали (3) — словом, убедить его в необходимости для С^{овременных} З^{аписок} никому не нужной рукописи. Боюсь только, что слух уже дошел.

Теперь это уже у меня вопрос "чести" (польской), азарта... и даже здравого смысла: может ли быть, чтобы в эмиграции не нашлось места для Иловайского? Куда же с ним?? Неужели — в С.С.С.Р.? Ведь третьего места: ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО — нет, третье — Царство Небесное!

* губка, гриб (нем.).

** оставим это (нем.).

*** "Дом живых людей" (фр.).

Но — нет худа без добра, и я счастлива, что не огорчила Олю опрометчивым “евреем”. Все свои неточности я, благодаря Вам, исправляю: вместо яйца будет овсянка, “еврея” — еврейская прикровь (люблю это слово!), а деда, взамен рано-встающего, дам бессонным (еще страшней!).

И землято спит,
И водато спит
И по селам спят,
По деревням спят,
Одна баба не спит,

На моей коже сидит,
Мою кожу сушит,
Мою шерстку прядет,
Мое мясо варит!...

(А — правда — Пименом (Трехпрудным) и избой — никакой разницы? Те же страхи, сглазы, наговоры, наветы, увозы...)

* * *

Кончаю II ч<асть> Музея (а I Милюков (5) д<олжно> б<ыть> тоже похерил, Демидов обещал во вторник, а нынче пятница, — Бог с ними всеми!) — музейно-семейную. Если не поместят — пришло. Остается III ч<асть> — Открытие, и смерть отца (неразрывно — связаны). Отец у меня во II ч<асти> получился живой: слышу его голос, наверное и Вы услышите.

Да! Было у меня на днях разочарование: должна была ехать с С.М. Волконским к своим бабушкам-полячкам, п<отому> ч<то> оказывается — он одну из них: 84-летнюю! девятилетним мальчиком венчал — с родным братом моей бабушки. (Эта старушка жена брата моей бабушки). И вот, в последнюю минуту С<ергей> М<ихайлович> не смог: вызвали на свежеспеченный абиссинский фильм. А я так этой встрече радовалась: 75-летнего с 84-летней, которую венчал! Старушка отлично помнит его мальчиком, а также и его деда-декабриста, “патриарха” с белой бородкой и черным чубуком. — Поехала одна, угрызаясь, что еду чудной местностью (серебристые тополя, ивы, река, деревня), а дети в нашем заплеванном, сардиночном, в битом бутылочном стекле — лесу. Но узнав что моя бабушка 12 лет вместе с сестрами 14-ти и 16-ти во время польского восстания в Варшаве прятала повстанческое оружие (прадед был на русской службе и обожал Николая I), узнав себя — в них, их в себе — утешилась и в С<ергее> М<ихайловиче> и во всем другом. Об этом, Вера, только Вам. Это моя тайна (— с теми!). Дату Музея еще не узнала и пока пишу без. Но до “Открытия” еще далеко и непременно воспользуюсь Вашими советами. (Ненавижу слово “пользоваться”: гнусное).

Обнимаю Вас и люблю.

М.

183

1. Ежедневная газета “Сегодня” издавалась в Латвии, г. Рига. Ее издателем был М. Мильруд.

2. Руднев Вадим Викторович (1879–1940) — один из редакторов журнала “Современные Записки”.

3. Роман французского писателя Клода Фаррера (наст. имя Фредерик-Шарль-Эдуар Баргон; 1876–1957).

4. Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) — художник и историк искусств.

5. Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — редактор “Последних Новостей”.

(Окончание публикации см. в следующем номере журнала).